

ЭНТЁ САНЪЮТЭЙ

ПИОНОВЫЙ ФОНАРЬ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
С18

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с японского *А. Стругацкого*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Саньютэй, Энтё.

С18 Пионовый фонарь : [повесть] / Энтё Саньютэй ; [перевод с японского А. Стругацкого]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-164103-0

Молодой сирота поступает на службу к мастеру меча, мечтая научиться мастерски владеть клинком и отомстить убийце своего отца...

Тем временем молодого самурая начинает навещать юная красавица, которую сопровождает служанка с фонарем в форме пиона. Вот только ходят слухи, что девушки уже мертвы...

«Пионовый фонарь» — это повесть, полная тайн. Две сюжетные линии постоянно прерывают друг друга, держа в напряжении и оставляя гадать, что же будет дальше.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Перевод. А. Стругацкий, наследники, 2022
© Перевод стихов. В. Санович, наследники, 2024
© Примечания. В. Маркова, наследники, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

Еще когда Токио называли Эдо, одиннадцатого апреля третьего года Кампо¹ в Юсимском храме было торжество в честь достойной памяти принца Сётоку². Богомольцев сошлось к храму великое множество, и толкотня была страшная. Неподдалеку, в третьем квартале Хонго, была тогда лавка оружейника по имени Фудзимура Симбэй. Возле выставленного в лавке доброго товара остановился один самурай. По внешности было ему года двадцать два, с лица он был белый, брови красивые, взгляд прямой и смелый, как у человека с несколько запальчивым нравом, волосы уложены строго и аккуратно. Одет он был в прекрасное хаори и отличные хакама³, а обут в кожаные сандалии. Его со-

---

¹ Третий год Кампо — 1773 г. — *Здесь и далее примеч. В. Марковой.*

² Принц Сётоку (Сётоку Тайси; 574–622) — видный политический и культурный деятель Японии раннего средневековья, активно способствовал проникновению и распространению буддизма в Японии. Впоследствии был обожествлен.

³ Хакама — широкие штаны, сложенные складками у пояса, составная часть парадного костюма самурая.

проводил слуга в голубой короткой куртке хаппи¹, подпоясанный нарядным поясом, с деревянным мечом, обшитым медью. Поглядев на выставленные мечи, самурай сел перед ними и сказал:

— А ну, хозяин, покажи-ка вон тот меч с черной рукоятью и с гардой из старого заморского железа, шнур у него не то черный, не то синий... Кажется, добрый клинок.

— Сию минуту, — с готовностью отозвался хозяин. — Эй, кто там, подать господину чай! Нынче у нас в храме торжество, народ валом валит, вы, верно, совсем замучились от пыли. — Он обтер меч. — Вот здесь отделка немного попорчена.

— Действительно попорчена, — согласился самурай.

— Зато клинок, как сами изволите видеть, хоть куда. Он вас не подведет, если будет у вас за поясом. Товар отменный, что и говорить, из хороших рук вышел. Да вот, извольте сами взглянуть.

С этими словами хозяин протянул меч самураю, и тот принялся его разглядывать. В старину, когда самурай, выбирая себе в лавке оружие, вытягивал его из ножен прямо тут же, на улице, лучше было держаться от него подальше. Что уж тут хорошего, если молодой горячий воин, распалившись душой, принимается всюду размахивать обнаженным мечом. Но наш самурай был настоящим знатоком оружия. Ему даже не нужно было пробовать клинок на изгиб, чтобы определить, не пережжена ли сталь. Он прежде всего прикинул, как меч будет выгля-

---

¹ Хаппи — род куртки с гербом хозяина, которую носили слуги самураев.

деть за поясом, попробовал острие, осмотрел головку рукояти и все прочее, — словом, сразу было видно, что он из господ хатамото¹, а не из каких-нибудь простых самураев.

— Да, — сказал он, — вещь, кажется, весьма хорошая. Бидзэнской работы², так ведь?

— Ну и глаз у вас! — воскликнул хозяин. — Я просто в восхищении! Мы, оружейники, тоже считаем, что это меч работы Тэное Сукэсады. К великому сожалению, в те времена он не ставил своего клейма на изделиях.

— И сколько ты за него хочешь, хозяин? — спросил самурай.

— Спасибо, господин, — ответил хозяин. — Запрашивать я не буду. Цена этому мечу была бы очень большая, если бы на нем, как я только что говорил, было клеймо. Но ничего не поделаешь, клейма нет, и я уступлю вам меч за десять золотых.

— Как? — удивился самурай. — Десять рё³? Что-то очень уж дорого. А не уступишь ли за семь с половиной?

— Да ведь я тогда останусь в убытке! Он мне самому достался недешево.

Пока они усердно торговались, какой-то пьяница за спиной самурая вдруг сцепился с его слугой. Схватив слугу за шиворот, он заорал: «Т-ты как с-смеешь?» — пошатнулся и упал, шлепнувшись за-

---

¹ Хатамото — звание самурая, непосредственного вассала дома военно-феодалных диктаторов средневековой Японии Токугава.

² Бидзэнская работа — то есть меч изготовлен в провинции Бидзэн, где сосредоточивалось производство оружия.

³ Рё — старинная золотая монета.

дом о землю. Затем он кое-как поднялся на ноги, исподлобья грозно уставился на слугу и, взмахнув кулаками, принялся его колотить. Слуга терпеливо сносил побои, понимая, что тот дерется спьяна. Он уперся руками в землю и нагнул голову, бормоча извинения, однако пьяница его не слушал, свирепел все больше и бил все сильнее. Самурай, видя, что избивают его слугу Тоскэ, очень удивился, вежливо поклонился пьяному и сказал:

— Я не знаю, какое невежество позволил себе мой слуга, но прошу у вас за него извинения. Простите его, пожалуйста.

— Так этот болван — твой слуга? — вскричал пьяный. — Грубый нахал, мерзавец! Раз уж сопровождаешь самурая, должен, само собой, быть подле него и вести себя тише воды, ниже травы! А он что? Расселся тут возле этой вот пожарной бочки, загородил всю улицу — ни пройти ни проехать. Пришлось, конечно, ему всыпать.

— Я вас очень прошу, — сказал самурай, — простите этого тупицу. Я сам прошу у вас прощения вместо него.

— Иду это я себе, — продолжал пьяный, — и вдруг — бац! — натыкаюсь. Что такое, думаю, собака, что ли? А тут, оказывается, холуй этот вытянул ноги на всю улицу, а я, извольте видеть, всю одежду из-за него в пыли вывалял! Ах ты, думаю, невежа, нахал! Как ему начал давать. Может, скажешь, нельзя? А ну, подай мне его сюда, я ему еще добавлю!

— Примите во внимание, — терпеливо сказал самурай, — это же тупой и невежественный чело-

век, все равно что собака. Пожалуйста, простите его.

— Вот тебе и на! — завопил пьяный. — Впервые такое слышу! Да где это видано, чтобы самурай разгуливал с собакой? А раз он у тебя все равно что собака, так отдай его мне, отведу его домой и накормлю крысиным ядом! Нет, как ты там ни проси, не будет ему моего прощения. Ведь как хозяин должен просить прощения за невежество своего слуги? Как положено, уперев руки в землю и низко кланяясь, и приговаривать при этом: «Признаю свою вину, очень виноват...» А ты что? Кто же просит прощения с мечом в руке? Самураи так не поступают. Ты уж не рубить ли меня собрался?

— Да нет же, — сказал самурай, — я покупаю этот меч, и как раз осматривал его, когда вы схватились со слугой, вот и все.

— А мне что до этого? — сказал пьяный. — Какое мне дело, покупаешь ты или нет?

Пьяница бранился, самурай все пытался его образумить, а в толпе зевак, что собрались вокруг них на улице, говорили:

— Ну, сейчас подерутся...

— Что, драка?

— Ух ты, оба же самураи, быть беде...

— И из-за чего это они?

— Да очень просто, ругаются, кому покупать меч, а кому не покупать... Вон тот пьяный самурай приценился первым, да цена высокая, купить не смог, а тут подходит этот молодой самурай и тоже стал прицениваться, ну пьяный и расвирепел... Как, мол, смеешь, не спросясь меня, приценивать-

ся к вещи, которую я сам хочу купить. Тут все и началось.

— Да совсем не так это было. Здесь ссора из-за собаки. Ты, мол, отравил крысиным ядом мою собаку, так отдавай мне свою, я ее тоже отравлю... Ссоры из-за собак исстари ведутся. Возьмите, к примеру, Сираи Гомпати¹. С ним вся эта буча началась после драки за собаку.

— И вовсе не так. Эти самураи — родственники, дядя и племянник. Вон тот, красномордый и пьяный — это дядя, а молодой красивый самурай — его племянник. А ссорятся они потому, что племянник не дает дяде карманных денег.

— Да нет же, просто вора поймали.

— Этот пьяница живет в подворье храма Ма-руяма Хоммёдзи, — сказал тут один человек. — Прежде он был в вассалах князя Кондэ, но потом сбился с пути, пьянствует и развратничает. Иной раз бродит с мечом наголо по городу, пугает людей, безобразничает. А то ввалится в харчевню, нальется водкой, набьет брюхо закусками, а за деньгами, говорит, приходите ко мне в подворье Хоммёдзи. Зовут этого бесчестного самураи Курокава Кодзо, он привык всюду жрать и пить бесплатно, и к молодому самураю, видно, пристал, чтобы тот купил ему водки.

— Вот оно что! Ну, другой на его месте давно уже зарубил бы этого пьяницу, да молодой самурай на вид что-то немощный, где уж ему рубить!

---

¹ Сираи Гомпати (Хираи Гомпати) — самурай клана Тесю; влюбившись в гетеру, совершил из-за нее преступление и был казнен.

— Что вы, просто он не умеет фехтовать. Самурай, если он не умеет фехтовать, всегда трус.

Говорилось это все вполголоса, но некоторые слова дошли до ушей молодого самурая. Он так и затрясся от ярости, лицо его покраснело, будто залитое киноварью, на лбу вспухли голубые жилы. Он подошел к пьянице вплотную и сказал:

— Итак, несмотря на все мои извинения, вы не желаете покончить дело миром?

— Заткнись! — заорал пьяный. — Напугал, тоже мне! Ай-ай-ай, как же это вы, ваша милость, такой великолепный самурай, — не знаю только, прямой ли вы вассал дома сёгуна или изволите принадлежать к какому-нибудь иному могучему клану, — как же это вы унизились до презрения к бедному ронину? Ну а если я и не желаю покончить дело миром, что ты сделаешь? — И с этими словами он харкнул молодому самураю прямо в лицо.

Тут уж терпение молодого самурая окончательно лопнуло. Лицо его исказилось гневом.

— Подлая тварь! — закричал он. — Ты посмел плюнуть в лицо самураю?! Ну ладно, я был с тобой учтив, я хотел разойтись с тобой по-хорошему. Не хочешь? Получай!

Рука его рванулась к рукоятке бидзэнского меча. Миг — и блестящее лезвие сверкнуло перед самым носом пьяницы. Голпа зевак испуганно раздалась. Никто не ожидал, что этот слабый на вид юноша обнажит меч.словно осенние листья под ветром, все бросились врассыпную, вопя и причитая, спеша укрыться в домах и переулках. Торговцы поспешно позакрывали свои лавки, и кругом воца-

рилась тишина. Один лишь оружейник Фудзимура, которому бежать было некуда, ни жив ни мертв остался сидеть на месте.

Курокава Кодзо был пьян, да ведь всем известно, что вино обнажает суть человека. Устрашенный блеском меча, он повернулся и, пошатываясь, побежал. Самурай бросился его догонять, шлепая по пыли кожаными сандалиями. «Стой! — кричал он. — Трус! Хвостун! Позор воину, который показывает противнику спину! Стой! Вернись!» Тогда Кодзо понял, что ему не убежать. Он остановился, ноги его тряслись. Он схватился за облезлую рукоять своего меча и обернулся. В то же мгновение молодой самурай набежал на него и, пронзительно вскрикнув, глубоко погрузил меч в его плечо. Кодзо со сдавленным воплем упал на одно колено. Стоя над ним, молодой самурай вновь ударил его, разрубив левое плечо до самой груди. Двумя косыми ударами Кодзо был разрублен на три части, словно рисовая лепешка. Молодой самурай быстро нанес точный завершающий удар и, помахивая окровавленным мечом, вернулся к лавке Фудзимураи. Он был совершенно спокоен — ведь противник сам накликал на себя гибель.

— Возьми меч, Тоскэ, — сказал он слуге, — и смой с него кровь водой из этой бочки.

Тоскэ, который все это время трясся возле лавки, проговорил с помертвелым от страха лицом:

— Вот ведь беда какая, и все из-за меня... Что, если при расследовании этого дела выплывет ваше имя, господин? Что мне тогда делать, как оправдаться?

— Пустяки, — сказал самурай ласково, — не волнуйся, бояться нечего. Что с того, что я зарубил негодяя, державшего в страхе весь город!

Затем он подозвал ошеломленного Фудзимураю и приветливо сказал ему:

— А знаешь, хозяин, я и не думал, что меч так хорош. Рубит превосходно. Более чем превосходно.

Хозяин, дрожа всем телом, отозвался:

— Да нет, дело тут не в мече, это все ваше мастерство.

— Мастерство мастерством, — возразил самурай, — а меч замечательный. Ну что ж, если уступишь мне его за семь рё и два бу¹, мы поладим.

— Уступаю, пожалуйста, — с готовностью согласился Фудзимураю, который страсть как не хотел быть замешанным в эту историю.

— Не бойся, — сказал самурай, — твою лавку не потревожат. Но сообщить обо всем городской страже необходимо как можно скорее. Подай мне тушечницу, я напишу тебе мое имя.

Тушечница стояла тут же, рядом с хозяином, но хозяин, в смятении своем не замечая ее, дрожащим голосом закричал: «Эй, мальчик, принеси тушь!» Никто, однако, не отозвался, в лавке было тихо, потому что все домочадцы с самого начала разбежались и попрятались кто куда. Самурай заметил:

— А ты, хозяин, молодец, вел себя достойно, остался, лавку не бросил.

---

¹ Бу — старинная денежная единица; четыре бу составляли один рё.

— Напрасно изволите хвалить, — пробормотал хозяин. — Как мне было сбежать, когда у меня ноги со страху отнялись...

— А тушечница ведь подле тебя, — сказал самурай.

Тогда хозяин заметил наконец тушечницу и поставил ее перед самураем. Самурай открыл крышку, взял кисть и бегло написал иероглифы своего имени: «Иидзима Хэйтаро». Сообщив затем о случившемся городской страже, он направился к себе домой в особняк на Усигомэ¹, где подробно рассказал все почтенному отцу своему господину Иидземе Хэйдзаэмону.

— Ты поступил правильно, — сказал господин Хэйдзаэмон и сейчас же пошел доложить об этом деле начальнику хатамото превосходительному Кобояси Гондаю.

Дело было оставлено без последствий, победитель был объявлен правым, а побежденный признан виноватым.

---

¹ Усигомэ — старинный квартал в северо-западной части Эдо.

Глава 2

Итак, Иидзима Хэйтаро, двадцати двух лет от роду, зарубил наглого негодяя, выказав при этом отменную смелость и присутствие духа. Шли годы, он набирался знаний и мудрости, а когда скончался почтенный отец его, к Хэйтаро перешел по праву наследования родительский дом, и он принял родительское имя, став отныне Иидзимой Хэйдзаэмом. Потом он женился, взяв за себя дочь хатамото из Суйдобата, по имени Миякэ, и вскоре у него родилась девочка, которую нарекли О-Цую. Была она на диво хороша собой, и родители души в ней не чаяли, тем более что больше детей у них не случилось, холили и нежили ее всячески.

Дни и месяцы бегут, не зная застав, и вот уже О-Цую встречает свою шестнадцатую весну, а дом Иидзимы стал полная чаша.

Но так уж повелось в этом мире, что где прибавляется, там и убавляется. Супруга Иидзимы вдруг захворала и отправилась в путешествие, из которого не возвращаются. Между тем в свое время она привела с собой в дом мужа служанку по имени О-Ку-

ни, девушку красивую и весьма расторопную, и вот после смерти супруги господин, наскучив одиночеством в постели, однажды приблизил эту О-Куни к себе, и кончилось дело тем, что стала она его наложницей. Наложница господина в доме, где нет законной супруги, — персона видная. Барышня же О-Цую возненавидела ее, и между ними пошли раздоры. Барышня пренебрежительно звала бывшую служанку просто Куни¹, а та со злости нашептывала господину про его дочь всякие гадости. Не было конца этой вражде, и тогда раздосадованный господин Иидзима купил неподалеку от Янагисимы небольшое поместье и переселил туда барышню на отдельное жительство со служанкой О-Юнэ.

Так он совершил ошибку, с которой началось падение его дома. Минул еще один год, и барышне исполнилось семнадцать лет.

К господину Иидзиме часто захаживал лекарь по имени Ямамото Сидзё. Считался он знатоком древней китайской медицины, на деле же был из тех лекарей-болтунов, что ни разу в жизни своей не подали болящему ложки с лекарством. У других лекарей в сумках пилюли и порошки, а у этого только костяшки для фокусов да бумажные шутовские маски. И был у него знакомый, ронин Хагивара Синдзабуро, живший на доходы с рисовых полей в Нэдзу и домов, которые он сдавал внаем. Природа наделила его прекрасной наружностью, но в свои двадцать с лишним лет он еще не был женат и, не

---

¹ «...Звала бывшую служанку просто Куни...» — многие женские имена имеют уважительный префикс «О». Опускается этот префикс лишь при подчеркнuto презрительном обращении.

в пример всем прочим холостым мужчинам, был крайне застенчив и робок. По этой причине он никуда не выходил, а целыми днями сидел взаперти у себя дома над книгой, погруженный в меланхолию. В один прекрасный день Сидзё явился к нему и объявил:

— Погода сегодня прекрасная, предлагаю прогуляться по сливовым садам в Камэидо. На обратном пути заглянем в усадьбу одного моего знакомого, Иидзимы Хэйдзаэмона. Нет-нет, не отказывайся. Я знаю, ты застенчив и сторонись женщин, но ведь нет для мужчины большей радости, нежели женщина! А в этой усадьбе, о которой я говорю, одни только женщины: миленькая барышня да ее добрая верная служанка, больше никого нет. Зайдем хоть шутки ради! Знаешь, на девичью красоту полюбоваться просто — и то уже утешительно. Хороша цветущая слива, спору нет, но она неподвижна и молчит, а женщина пленяет нас и речью, и движениями. Я вот человек легкомысленный, мне подавай женщину... В общем, собирайся, пошли.

Так или иначе, лекарю удалось уговорить Хагивару. Они отправились в Камэидо, погуляли по сливовым садам, а на обратном пути завернули в усадьбу Иидзимы.

— А вот и мы! — крикнул у калитки Сидзё. — Разрешите!

— Кто это? — отозвалась из дома Юнэ. — Ой, да это господин Сидзё! Добро пожаловать!

— Здравствуйте, госпожа О-Юнэ, — сказал Сидзё. — Нижайше прошу прощения, что столь долго не навещал вас. Барышня, надеюсь, здорова? Пре-